НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Часть 1
Аттракторы и идентичности
человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 316.6

ЦИФРОВОЙ НОМАДИЗМ КАК ПРОЕКТ ОБРЕТЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В МИРЕ «ПОСТУЛИРУЕМОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ

И.В. Гужова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: ivguzhova@mail.tsu.ru

Аннотация. Цифровой номадизм представлен как практический постмодернистский проект жизненной стратегии и обретения экзистенциальной свободы, который стал возможен в современном информационно-сетевом обществе.
Ключевые слова: свобода; идентичность; экзистенциальный выбор; цифровой номадизм.

Научная рефлексия свободы и идентичности традиционно осуществляется «в разных весовых категориях». Свобода является фундаментальным философским понятием, в то время как проблема идентичности укоренена в социально-психологическом дискурсе. Поиск предельных оснований свободы ведется с античных времен, а понятие идентичности – «изобретение» Нового времени. Тем не менее эти категории сходятся в плоскости экзистенциального переживания и осмысления бытия.

В поисках смысла жизни человек актуализирует ту или иную грань свободы, каждая из которых в свое время была «высвечена» философской мыслью: свобода как возможность человека противостоять судьбе (Сократ, Платон); как основа справедливого общественного устройства (Аристотель, Эпикур); как способность нравственного выбора человека, дарованная богом (в средневековой теологии); свобода как принцип творческого развития личности (в эпоху Ренессанса); как общественная ценность в русле либерализма (со времен эпохи Просвещения); свобода как чистая деятельность «Я», которая не обусловлена ничем внешним и потому определяет достоинство и назначение человека (Фихте); как состояние общества, в котором человек преодолел сформированное капитализмом «отчуждение» от продуктов его собственного труда и собственной сущности (марксизм). Экзистенциалисты (начиная с Хайдеггера) сместили фокус рефлексии свободы в пространство внутреннего мира человека. Осмысливая свободу как экзистенциальную потребность, реализуемую в свободе внутреннего выбора, экзистенциализм создал условия для научной рефлексии свободы в рамках психологического дискурса, в том числе корреляции понятий свободы и идентичности.

Свобода как ценность, несмотря на свою многомерную сущность, может быть раскрыта в двух измерениях – свобода от внешних ограничений и внутренняя свобода человека. Наличие внешних ограничений предопределено его природной и социальной сущностью. Внутренняя свобода отражает духовное начало в человеке. Вся история культуры – это борьба человека с природными и социальными «ограничениями» посредством проявления внутренней свободы духа. В противовес конечности своего бытия человек «изобрел» религию как путь к вечной жизни, «царство логоса» как возможность прикоснуться к трансцендентному и искусство как форму объективации и фиксации своей духовной практики в материальном мире. Эти виды деятельности существуют в культуре как «индивидуальные проекты» обретения внутренней свободы. Свобода человека как социального существа отстаивалась в борьбе за политическую, экономическую и гендерную независимость, и в этом случае обретение свободы предлагалось как «социальный проект», проект новой социальной идентичности.

В проекции отдельной человеческой жизни ценность свободы актуализируется во всех своих измерениях, а ее отсутствие переживается на экзистенциальном уровне как кризис, из которого человек отчаянно ищет выход. Преодолеть этот кризис можно только через проявление внутренней свободы, независимо от того, в каком измерении ощущается нехватка свободы. Выбор свободы – это всегда экзистенциальный выбор, это пограничное состояние, угрожающее целостности и сохранности личности, которые отражает категория идентичности. Однако желание и стремление сохранить идентичность не всегда является отражением внутренней свободы человека. Известны примеры того, как в ситуации физической несвободы или под угрозой смерти человек проявляет внутреннюю свободу через удержание важных для него граней собственной социальной идентичности (остаться человеком, не отступиться от своих принципов). Когда же человек, свободный в своих перемещениях, обладающий современным «набором» либеральных прав и свобод, тяготится отведенной ему в обществе ролью или ощущает нехватку свободы самореализации, его желание удержаться в горизонте социальной идентичности воспринимается как отрицание или отсутствие внутренней свободы. И в том и в другом случае идентичность осознается человеком как важная ценность, но стремление к ее удержанию, получается, может делать человека в разных жизненных обстоятельствах свободным или несвободным.

Идентичность, по словам З. Баумана, возникает в культуре как индивидуальная задача, «именно индивиду вменялось искать спасение от неясности», но при этом границы «ясности» определялись социумом, отсюда потребность человека в наставничестве, экспертной оценке, мнении окружающих – всем том, что может дать человеку уверенность в успешной реализации своего проекта идентичности. Принятие персональной ответственности за формирование собственной уникальной идентичности – удел избранных, чаще всего такое решение приводит к маргинализации индивида и его образа жизни. Поэтому, считает З. Бауман, сказать «постулиру-

емая идентичность» означает сказать одно лишнее слово, потому как не может быть никакой другой идентичности, кроме постулируемой. По его мнению, проблема идентичности возникла в научном дискурсе тогда, когда была осознана перспектива ее утраты. Актуализация проблемы построения и сохранения идентичности как основания целостности и стабильности личности – это проект модерна, в то время как постмодерн обнаружил проблему в обратном – как «избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [1].

Яркой иллюстрацией решения постмодернистского модуса проблемы идентичности на практике является образ жизни цифровых номадов (кочевников) – современных, технологически продвинутых, успешных и свободных людей, которые реализуют проект обретения собственной уникальной идентичности как свою жизненную стратегию.

Если взять во внимание две базовые характеристики цифровых номадов – мобильность и постоянную подключенность к Сети [7], то сегодня всем нам в той или иной степени присущи эти характеристики, и нас можно отнести к «сезонным» или «городским» кочевникам [3]. Однако образ жизни «классических», глобальных цифровых кочевников сильно отличается от принятых в нашем обществе моделей социального поведения и являет собой вызов самим основаниям современного общественного устройства.

Цивилизационный технологический прорыв в сфере транспортной доступности и появление Интернета обусловили процесс глобализации и интернетизации. В онтологии глобального информационно-сетевого общества цифровой номадизм смог реализоваться как практический проект.

Кочевой образ жизни цифровых номадов, с одной стороны, маргинален. Постоянная мобильность, что, по сути, означает отсутствие постоянного места жительства, роднит их с известными культуре прототипами – бродягами и странниками. Однако цифровых номадов не назовешь асоциальными элементами: в наш цифровой век степень их включенности в процессы социального взаимодействия может быть выше, нежели у некоторых «оседлых» представителей общества. Цифровые номады создают самые разные «продукты», востребованные на рынке, выполняют высококвалифицированную работу «на фрилансе» или развивают собственный бизнес, но благодаря возможностям Интернета делают это удаленно – там, где им это удобно и когда удобно. Их профессиональные компетенции востребованы и хорошо оплачиваются, это обеспечивает стабильное поступление финансовых ресурсов для путешествий и проживания в комфортных «оазисах». Конечно, такой формат работы подходит для тех профессионалов, которых можно отнести к представителям «креативного класса» (Р. Флорида) – IT-специалистов, писателей, архитекторов, дизайнеров, художников, фотографов, видеоблогеров, SMM-специалистов и пр.

На состоявшейся в 2016 г. в Томском государственном университете III Международной научно-практической Интернет-конференции «Connect-Universum», которая была посвящена явлению цифрового номадизма, в режиме вебинара (удаленно, через Интернет) со своими презентациями выступили четыре «классических» цифровых кочевника. Их видеодоклады доступны на сайте конференции, а стенограммы опубликованы в сборнике материалов [6]. Каждый докладчик начал свое выступление с рассказа о том, как он принял решение стать цифровым кочевником. Это решение никому не далось легко, но все в один голос считают его судьбоносным. Как становится ясно из высказываний цифровых кочевников, основным стимулом, подтолкнувшим их к смене образа жизни, явилось неприятие офисной работы, предполагающей жесткий восьмичасовой график и подчинение нормам организационной культуры компании. Основной экзистенциальный вопрос (быть или не быть?) для них актуализировался в социально-экономической плоскости: «Я живу, чтобы работать? Или я работаю, чтобы жить?» Но решение этой дилеммы не обязательно должно привести к смене образа жизни на «кочевой», здесь возможны разные сценарии: сменить работу, открыть свой бизнес и пр. Однако человек принимает решение отправиться в бесконечное путешествие, отказавшись от сложившихся социальных связей и своего дома (жилища) в их «привычном измерении». При этом в нарративах цифровых номадов (в упомянутых выше докладах или на их личных сайтах, а также на форумах представителей данной социальной группы) не наблюдается установки на разрыв с социальным окружением. Номады «бегут» не от людей, а от «постулируемой» социально-экономической идентичности.

Образ жизни цифрового номада можно рассматривать как форму протеста против сложившейся в нашей цивилизации системы производственных отношений и повседневных практик, отражающих идентичность, постулируемую капитализмом и обществом потребления. Исследователь В.М. Межуев предлагает раскрыть противоречие между внутренней свободой человека и капиталистическим проектом идентичности через категорию «свободного времени», которое становится «главным» временем жизни человека в эпоху постмодерна. Свободное время как время, освобожденное от труда, который необходим ради физического выживания и продолжения рода, всегда высоко ценилось в культуре. Несмотря на то, что сегодня технологии значительно облегчили труд, высвободив время для досуга, немногие имеют привилегию «наслаждаться» этим достижением цивилизации или распоряжаться им по своему усмотрению. В капиталистическом обществе, по словам В.М. Межуева, «базирующемся на рабочем времени, измеряющем им свое богатство, индивид чувствует себя свободным только за пределами своего рабочего времени, не на работе, а в кругу своих друзей, знакомых и близких. Для многих время, проведенное в семейном кругу, посвященное домашним делам и заботам, намного предпочтительнее того времени, которое они проводят на производстве или на службе. В первом времени они живут, во втором – только зарабатывают на жизнь. И не так уж не прав был К. Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком только при исполнении своих животных функций – в еде, питье, про-

цессе размножения и т.д., тогда как при исполнении своих общественных (трудовых) функций он чувствует себя животным. Получается, что общественное и человеческое здесь полностью разошлись друг с другом: человек осознает себя человеком только за пределами общества, тогда как в обществе он уподобляется вещи или механической функции» [4].

Цифровой номад предпочитает принести в жертву постулируемую капитализмом социально-экономическую идентичность и иметь свободу самому определять соотношение, количество и качество рабочего / свободного времени. Он работает «на фрилансе» или управляет своим электронным бизнесом удаленно, уделяет работе столько времени, сколько считает нужным. Рабочее время вторично. Главное время цифрового номада – это свободное время, оно первично и эмоционально насыщенно. Но ведь есть люди, которые также «владеют» своим свободным временем, также работают удаленно, но не ведут кочевой образ жизни. Этот вариант «экономической идентичности» достаточно распространен, а значит, «одобрен» обществом. Что движет цифровым номадом, когда он выбирает «кочевничество»? Это жажда впечатлений и новых открытий, любовь к путешествиям или вариант бегства?

Смена образа жизни (на кочевой) имеет природу символического действия, является репрезентацией совершенного экзистенциального выбора, который должен быть оформлен в индивидуальный проект и представлен как «апробированная» жизненная стратегия. В ситуации экзистенциального выбора, по мнению А.П. Мерсияновой, человек испытывает тревогу от того, что важная для него ценность оказывается под угрозой: «Выбор осуществляется между возможностями, которые не просто способны удовлетворить потребность “здесь и сейчас” (альтернативы-смыслы), а именно “помечены” как ценности, являющиеся для человека значимыми, задающими координаты его многомерного мира (альтернативы-ценности)» [5, с. 154]. Результатом экзистенциального выбора становится смена жизненной стратегии, образа жизни и образа мысли человека, пусть даже в рамках «тоннеля свободы» (В. Клочко), который определен конечностью жизни, социальными регламентациями и пр.

Свобода является ключевой ценностью, вокруг которой выстраивается «система координат» жизненного мира цифрового номада. Выбор альтернативы раскрывается для него в трех измерениях. Первое связано с проявлением внутренней свободы: выражается в смелости сделать свободный выбор и взять на себя ответственность за индивидуальный проект собственной идентичности. Глубинным основанием и мотивом принятия решения выступает осознание конечности бытия и скоротечности жизни (сугубо экзистенциальное измерение). Второе измерение ценности свободы связано с восприятием своей социальной роли в системе производственно-экономических отношений: выражается в отказе от офисной работы с 9 до 17 часов, переходе на удаленный формат работы, в свободном выборе места и времени работы. Собственно, важность этого аспекта свободы приводит к отказу от навязанной капиталистическим обществом идентичности. И здесь не идет речь о разрыве родственных, дружеских связей или гендерном самоопределении. Происходит отказ от той «оси» идентичности, которая мешает реализации свободы как ценности. Благодаря интернет-связи человек не выпадает из системы экономических отношений, является производителем интеллектуальных продуктов, может поддерживать виртуальную связь с прежним окружением. Эта же технологическая возможность позволяет состояться «проекту свободы» как бесконечному путешествию. И это третье, символическое, измерение свободы как альтернативы-ценности для цифрового номада. Оно раскрывает укорененность в нашем сознании архетипических образов и схем. Путешествие как социально приемлемый вариант «бегства» с целью символической репрезентации своего внутреннего протеста против социальных шаблонов известен еще со времен романтических поэм Байрона. Путешествие как нельзя лучше подходит для поиска оснований для обретения новой идентичности. Конечно, тяга к новому, жажда приключений и открытий, познание мира сами по себе сегодня являются привлекательными ценностями, культивируемыми массмедиа посредством репрезентации архетипического образа Искателя [2].

Несмотря на то, что цифровой номад архетипически близок романтическому герою, смена его жизненной стратегии не приводит к изоляции и одиночеству. Благодаря интернет-технологиям цифровой номадизм может быть реализован как «социально приемлемый» проект, реализуемый в глобальном информационно-сетевом обществе, как вариант жизненной стратегии, ориентированной на свободу как принятие ответственности за формирование своей уникальной идентичности.

Литература

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
2. Гужова И.В., Сухорева Д.Р. Архетипизация цифрового номадизма в рекламе // Connect-Universum-2016 : сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической Web-конференции. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 98–103.
3. Кужелева-Саган И.П. Бизнес-коммуникации в условиях цифрового кочевничества // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов : сборник статей и выступлений участников междунар. науч. конф., 9–11 июля 2015 г. / отв. ред. Н.С. Бачурина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 177–187.
4. Межуев В.М. Свобода как ценность // Альтернативы. 2009. № 4. URL: http://www.alternativy.ru/ru/node/1479 (дата обращения: 10.09.2017).
5. Мерсиянова А.П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник Томского государственного университета. Педагогика и психология. 2010. № 335. С. 153–156.

6. Connect-Universum-2016 : сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической Web-конференции. Томск : Издательский дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 98–103.
7. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N. Y. : Wiley,1997.

DIGITAL NOMADISM AS A PROJECT OF FINDING EXISTENTIAL FREEDOM IN THE WORLD OF "POSTULATED" IDENTITY

Guzhova I.V., associate professor at the department of social communication, National Research Tomsk State University, PhD, Tomsk, Russia. E-mail: ivguzhova@mail.tsu.ru

Abstract. Searching for the meaning of life in order to choose the life strategy the individual tries to find the limit of the personal freedom allowing to keep social identity. In situation of existential crisis the individual can digress from the identity axis which counteracts the freedom-value realization, but this digression is socially interpreted as a manifestation of marginality. Postmodern paradigm refuses "postulated identity" (Bauman) and makes the individual chargeable for personal identity building. An example of practical realization of postmodern identity project available in the Information-Net Society is presented in the article. Globalization and internatization of the society made possible for many professionals to work remotely and regulate proportion, quality, and quantity of work and leisure by themselves. Some of them devote all their leisure time to travelling thus having become digital nomads. Digital nomadism is presented in the article as a lifestyle and a life strategy aimed at finding existential freedom and taking responsibility for the personal identity formation.
Keywords: freedom; identity; existential choice; digital nomadism.

УДК 159.9.99

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ФАНАТИЗМА

Е.Л. Доценко, Ю.М. Власова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: dotsenko_e@bk.ru; julapop888@yandex.ru

Аннотация. Обсуждается позитивная функция фанатизма для общества, деструктивное / конструктивное его использование.
Ключевые слова: фанатизм; ярлыки; консерватизм; терроризм; манипуляция; патриотизм.

Тех, кого наблюдатели определяют как религиозных фанатиков, верующие скорее назовут «истинным христианином» или «правоверным мусульманином» и т.п. Религиозными фанатиками часто объявляют людей:

1) чья религиозность более интенсивна, чем общество или религиозное сообщество готовы принять, не ставя под сомнение собственное понимание мира и свои социальные позиции;

2) чьи религиозные воззрения носят тотальный характер, распространяются на всю социальную систему, выходя за рамки господствующей секулярной модели, в рамках которой религия – лишь один из способов воспроизводства мира, имеющий более отношение к морали и личному или групповому этосу и не являющийся экспансией в социальные и политические отношения;

3) чьи религиозные воззрения догматически и обрядово неприемлемы для иных религиозных сообществ, к тому же обладающих большими общественными ресурсами для утверждения своего общественного статуса;

4) чьи религиозные воззрения являются основанием для политического экстремизма.

Кроме того, в жизни ярлык «фанатик» могут повесить на людей, увлеченных какой-либо идеей или самозабвенно отдающихся какой-либо деятельности. Отношение к фанатичности сильно зависит от особенности идеи, которой предан человек: преданность Родине поощряется и называется патриотизмом, предельная самоотдача профессии поощряется и называется профессионализмом.

M. Kalmer [2] отмечает, что фанатизм как особый менталитет и поведенческие черты всегда присутствует в обществе. Но описательные характеристики очень плохо схватывают сущность религиозного фанатизма. Цель данной работы – наметить логику выявления неочевидного в социальном феномене, обозначаемом как «фанатизм».

Две логики определения религиозного фанатизма

«Фанатизм» от лат. «fanaticus» – иступленный, изувер или «fanum» – жертвенник, а от древнегреч. «Φανατισμός» – смерть, мертвый (Танатос – бог смерти). Традиция употребления понятия «фанатизм» связана с эмоциональным, оценочным восприятием, использование слов «фанатик» и «фанатизм» всегда предполагает некоторое отношение к человеку или явлению.

В настоящее время наиболее устойчивой выступает традиция рассматривать фанатизм через призму индивидуальных качеств. Вот лишь часть примеров такого подхода.

J. Firman и A. Gila (2006) полагают, что «религиозный фанатизм есть предельная форма расстройства трансперсональной идентичности, которая, будучи подпитанной избыточной оценкой и идеализацией опыта трансперсональных переживаний, становится предельно раздутой и грандиозной» [1, с. 200].

Д.В. Ольшанский (2002) отмечает «доведенную до крайней степени приверженность каким-либо верованиям или воззрениям, проявляющуюся в нетерпимости к любым другим взглядам. В переносном смысле фана-